

— ✦ ПОЧТИ НЕЗНАКОМЦЫ ✦ —

ЖИЗНЬ МЕЖДУ ПАРОМАМИ

— ✦ —

ЭДДИ СЛОАН

Эдди Слоан

Жизнь между паромами

«Автор»

2026

Слоан Э.

Жизнь между паромами / Э. Слоан — «Автор», 2026

Елена приезжает в Грецию на месяц: помочь матери пройти лечение, уговорить её переехать в Испанию и вернуться к собственной жизни. Но дни начинают складываться из больничных коридоров, лекарств, паромов, плохого кофе и разговоров, которые мать и дочь слишком долго откладывали. А ещё есть Никос, лечащий врач Софии. Спокойный, уставший и слишком хорошо понимающий, что иногда человек остаётся на месте не потому, что выбрал свою жизнь, а потому, что однажды перестал её менять. Чем ближе дата отъезда, тем труднее Елене ответить на простой вопрос: если жизнь, которую ты построила, больше не кажется твоей, обязательно ли возвращаться только потому, что она тебя ждёт? «Жизнь между паромами» — эмоциональный роман о матери и дочери, взрослом одиночестве, утрате, неожиданной близости и женщине, которая слишком долго умела справляться и почти разучилась замечать, чего хочет сама.

© Слоан Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ты слишком долго не звонила	5
Глава 2. Врач, который уже всё знал	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Эдди Слоан

Жизнь между парами

Глава 1. Ты слишком долго не звонила

К тому времени, когда Елена добралась до Греции, день уже клонился к вечеру, но жара не собиралась отступать. Пахло солью, раскалённым камнем, выхлопом паром и сигаретами с балконов над портом.

Такси медленно ползло вверх по узким улицам. За окном туристы несли полотенца и тающее мороженое. У кафе кто-то громко смеялся. Скутер едва не задел официанта с подносом. Женщина в огромных солнечных очках спорила с продавцом о цене крема от загара.

У всех был самый обычный день.

У её матери был рак.

Елена снова посмотрела на телефон, хотя за последние три минуты ничего измениться не могло. Три непрочитанных сообщения в рабочем чате. Письмо с пометкой «срочно». Два пропущенных от клиента из Мадрида.

От Софии ничего.

Конечно.

Водитель кивнул на холм впереди.

— Ваша мама всё ещё живёт возле старой дороги к парому?

— Да.

Всё ещё живёт.

Елена отвернулась к окну.

Дом оказался меньше, чем она помнила. Голубая краска на стенах облупилась ещё сильнее, с соседних балконов свисали растения, а на третьем этаже неподвижно висело полосатое полотенце.

Водитель поставил чемодан на тротуар.

— Надолго приехали?

— На месяц.

Ответ вылетел автоматически.

На самом деле на работе ей согласовали двадцать два дня. Начальник назвал это «более чем разумным сроком с учётом обстоятельств», будто у болезни матери существовал график, согласованный с отделом кадров.

Лифт опять не работал.

Елена потащила чемодан по узкой лестнице и на втором пролёте остановилась перевести дыхание. Лямка сумки с ноутбуком врезалась в плечо. Рубашка прилипла к спине. Два самолёта, задержанный паром, такси, жара.

К третьему этажу чувство вины ненадолго уступило место злости.

София слишком долго молчала.

Три месяца между «наверное, ничего серьёзного» и «нашли опухоль».

Очень в её духе.

Сначала разобраться самой. Потом потерпеть. Потом сообщить дочери только тогда, когда скрывать уже бессмысленно.

У двери Елена задержалась на секунду, прежде чем вставить ключ.

Первым пришёл запах.

Лекарства. Остывший кофе. Лимонное средство для уборки. И что-то металлическое, едва заметное.

Квартира была почти такой же, как в детстве. Те же плиточные полы. Те же кружевные занавески у балкона. Та же крошечная кухня, где София двадцать лет готовила на троих так, будто ожидала голодную футбольную команду, и одновременно критиковала всех, кто попался под руку.

Где-то в глубине квартиры негромко работал телевизор.

— Елена?

Голос матери стал тоньше.

Вот теперь ей стало страшно.

София сидела на диване в сером кардигане, хотя в комнате было жарко. Ноги накрыты пледом, очки сползли к кончику носа, рядом на столике стояла нетронутая чашка кофе.

Елена остановилась.

На несколько секунд она увидела сразу двух женщин. Ту, которая когда-то могла одной рукой тащить пакеты из магазина, второй открывать дверь и ещё успевать отчитывать Елену за плохую оценку. И эту, слишком худую, укутанную в плед в августовскую жару.

София подняла глаза.

— Ты устала.

Елена чуть не рассмеялась.

— У тебя рак.

— Это не отменяет того, что ты плохо выглядишь.

Вот она. Та самая София.

Елена поставила сумку на пол.

— Ты должна была позвонить раньше.

София выключила звук у телевизора.

— Ты бы запаниковала.

— Я и сейчас паникую.

— Нет. Сейчас ты уже всё организуешь.

Ответить было нечего.

За балконом медленно золотился порт. Паром выходил в море, на верхней палубе кто-то махал людям на берегу.

— Насколько всё плохо? — спросила Елена.

София взяла чашку. Кофе давно остыл, но она всё равно отпила.

— Смотря кого спрашивать.

— Мам.

— Завтра начинаем химиотерапию.

Елена уставилась на неё.

— Завтра?

— Да.

— Ты говорила, что они ещё делают обследования.

— Я сказала, что тебе незачем срочно приезжать, пока ничего не ясно.

— Это вообще не одно и то же.

София посмотрела на телевизор.

— Я не хотела, чтобы ты бросала работу из-за того, что ещё могло оказаться ерундой.

Елена знала этот приём. Сначала уменьшить проблему до размеров, при которых никому не придётся менять планы. Потом самой вынести всё остальное.

И, к сожалению, знала она его слишком хорошо.

Занавеска у балкона шевельнулась от ветра. Снизу донёсся смех, звякнула посуда, где-то заиграла музыка.

— Я не умру завтра, — сказала София уже тише.

Елена сглотнула.

— Дело не в завтра.

Мать наконец посмотрела прямо на неё. Уставшие глаза, привычно упрямый рот. Страх был там, но глубоко, под слоями бытовых решений и раздражения.

В кухне резко засвистел чайник.

София нахмурилась.

— Ой.

Елена повернулась.

— Ты поставила чайник?

— Видимо.

— И забыла?

София пожала плечами.

— Бывает.

Нет. У Софии не бывало.

Елена быстро прошла на кухню и выключила конфорку. На столе возле раковины лежали бумаги. Расписание процедур, рецепты, результаты анализов, счета. Под ними торчал нераспечатанный конверт с красной надписью ПОСЛЕДНЕЕ УВЕДОМЛЕНИЕ.

В холодильнике нашёлся йогурт, просроченный почти на три недели. На тарелке у окна лежал один мягкий персик, уже потемневший с одного бока.

Елена стояла посреди кухни, держа руку на выключенной конфорке.

За окном море отражало оранжевый закат. Внизу туристы шли к ресторанам. Кто-то катил чемодан к порту.

И вдруг все последние месяцы сложились не в диагноз и не в медицинские бумаги.

В пакеты из аптеки. В продукты. В эти три лестничных пролёта без лифта.

Мать поднимала всё это сюда одна.

И плохие новости тоже.

Из гостиной София крикнула:

— Ты чайник спасла?

— Спасла.

— Хорошо. Он мне нравится.

Елена вернулась с кухни и остановилась у дверного проёма. За последние двадцать минут мать успела сообщить ей о химиотерапии, забыть чайник на плите и теперь разговаривала так, будто самым важным событием вечера было сохранение старого металлического чайника.

— Ты ела? — спросила София.

— В аэропорту.

— Это когда?

Елена посмотрела на часы.

— Не помню.

— Значит, давно.

София начала откидывать плед.

— Сиди, — сказала Елена слишком быстро.

Мать замерла и медленно посмотрела на неё.

— Я собиралась показать, где хлеб.

— Я знаю, где у тебя хлеб.

— Ты не жила здесь пятнадцать лет.

— Хлеб не мог сильно эволюционировать.

— Ты удивишься.

София всё-таки осталась на диване. Елена нашла на кухне хлеб, помидоры, кусок сыра и банку оливок, которую пришлось открывать ножом, потому что крышка не поддавалась. В

холодильнике рядом с продуктами стояло больше лекарств, чем еды. На одной полке лежал пластиковый контейнер с подписанными отделениями на дни недели.

ПОНЕДЕЛЬНИК.

ВТОРНИК.

СРЕДА.

Елена закрыла холодильник чуть сильнее, чем нужно.

— Не хлопай, — донеслось из комнаты. — Он старый.

— Холодильник тоже тебе нравится?

— Нет. Просто новый покупать дорого.

Они ели за маленьким столом у балкона. София съела половину тоста, несколько кусочков помидора и объявила, что больше не хочет. Елена хотела возразить, но посмотрела на её лицо и промолчала.

— Вот так лучше, — сказала София.

— Что именно?

— Когда ты не превращаешь каждый мой кусок еды в референдум.

— Прошло двадцать минут.

— Двадцать очень длинных минут.

Телефон Елены завибрировал на столе. Рабочий чат.

Она перевернула экран вниз.

София заметила.

— Можешь отвечать.

— Я только приехала.

— Именно. Мир не знает, что у тебя семейная трагедия, и продолжает присылать письма.

— Это не трагедия.

София подняла брови.

Елена сразу пожалела о фразе.

— Я не это имела в виду.

— Знаю.

София взяла стакан воды обеими руками. Раньше она всегда держала всё одной. Кофе, тарелку, телефон, три пакета из магазина. Второй рукой обычно открывала дверь, поправляла волосы или показывала Елене, что та опять оставила обувь посреди прихожей.

Теперь стакан требовал двух рук.

— На работе тебе сколько дали? — спросила София.

— Месяц.

Мать посмотрела вверх стакана.

— Елена.

— Двадцать два дня.

— Вот. А такси сказала месяц.

— Откуда ты знаешь, что я сказала таксисту?

— Ты всегда округляешь неприятные цифры.

— Двадцать два дня вполне нормальный отпуск.

— Конечно. Рак тоже очень удобно вписывается в двадцать два дня.

Елена отложила вилку.

— Я могу продлить.

— Я не просила увольняться.

— А я не говорила про увольнение.

— Пока.

Они посмотрели друг на друга.

София первой отвела глаза и подтянула тарелку ближе.

— Помидоры хорошие, — сказала она.

Разговор был закончен.

Позже Елена разобрала чемодан в комнате, которая когда-то была её, а теперь называлась гостевой. Старый шкаф София поменяла, но на внутренней стороне двери всё ещё оставалась маленькая вмятина от ручки, которую Елена в шестнадцать лет ударила слишком сильно после очередной ссоры с отцом.

Она повесила три рубашки. Остальное оставила в чемодане.

Двадцать два дня не требовали полного распаковывания.

Телефон снова загорелся.

Начальник: «Надеюсь, добралась нормально. Завтра не беспокоим. В среду, если сможешь, нужен короткий созвон».

Елена набрала: «Конечно».

Стерла.

Написала: «Посмотрю утром».

Отправила и положила телефон на кровать.

Из коридора донёсся звук.

Она вышла слишком быстро.

София просто шла в ванную.

— Что? — спросила мать.

— Ничего.

— Ты выскочила так, будто я падаю.

— Я слышала шум.

— Это называется человек идёт по квартире.

— Хорошо.

София остановилась у двери ванной.

— Я рада, что ты приехала.

Фраза прозвучала почти небрежно, как напоминание купить молоко.

Елена не успела придумать нормальный ответ.

— Я тоже.

— Ты здесь не живёшь.

— Я знаю, что имела в виду.

София кивнула и закрыла дверь.

Ночью Елена долго не могла уснуть. С улицы поднимались голоса из бара, потом стало тише. Где-то после полуночи пришёл последний паром, и низкий гудок прошёл через открытое окно.

В соседней комнате кашлянула София.

Елена открыла глаза.

Ещё раз.

Потом тишина.

Она не встала проверять.

Пока.

Глава 2. Врач, который уже всё знал

Из окон онкологического отделения было видно море.

Елена решила, что это почти издевательство.

За стеклом паромы перевозили туристов к островам, где их ждали белые зонтики, лодочные прогулки и фотографии на фоне воды. Внутри пахло антисептиком, кондиционером и горелым кофе из автомата этажом ниже.

София была занята парковкой.

— Автомат съел два евро, — сказала она, поправляя платок. — Страна может развалиться, но парковка всё равно будет платной.

Елена посмотрела на неё.

— У тебя рак.

— И дорогая парковка. Одно другому не мешает.

Медсестра через несколько кресел улыбнулась и тут же сделала вид, что читает бумаги.

София осталась довольна.

Елена потеряла висок. Она почти не спала. До двух ночи разбирала счета и назначения, потом уснула на диване в одежде, с открытым ноутбуком и раздавленным батончиком под локтем.

Прекрасно организованная взрослая жизнь.

По коридору щёлкали колёсами стойки для капельниц. Семьи сидели на пластиковых стульях и старательно не разглядывали друг друга. В углу без звука шло кулинарное шоу. Очень бодрые люди нарезали помидоры прямо под стендом с брошюрами об онкологических заболеваниях.

— Елена.

Она подняла голову.

Медсестра стояла у входа в коридор с папкой Софии.

— Доктор Никос вас ждёт.

София поднялась прежде, чем Елена успела протянуть руку.

Конечно.

Кабинет оказался холоднее коридора. Стол, три стула, выцветшая анатомическая схема на стене и стопки бумаг у окна, залитые морским светом.

Никос стоял у стола и просматривал снимки.

Первой мыслью Елены было, что он совсем не похож на врача из сериалов.

Никакой безупречной улыбки, дорогого костюма или голоса, который заранее обещает, что всё будет хорошо. Усталые глаза, закатанные рукава рубашки, светлая полоска на пальце там, где когда-то было кольцо.

Он поднял голову.

— София.

Не «госпожа». Просто София.

Значит, они уже давно знакомы.

Никос пожал матери руку, потом посмотрел на Елену.

— Вы, должно быть, дочь из Испании.

И почему-то именно «из Испании», а не её имя, слегка задело.

— Да.

Рукопожатие было коротким и деловым.

Хорошо.

Елена в последнее время не доверяла людям, которые слишком быстро становились тёплыми.

— Как была тошнота вчера вечером? — спросил Никос, когда они сели.
София махнула рукой.

— Жива.

— Я не это спросил.

София поджала губы.

Он не собирался помогать ей изображать бодрость.

— Тошнило.

— Рвота была?

— Два раза.

— Ели?

— Тост.

— Воду?

— Немного.

Они говорили быстро, почти привычно. Елена сидела рядом и чувствовала себя странно лишней.

Никос посмотрел в карту.

— После сегодняшней процедуры скорректируем лекарства от тошноты.

— Вы каждый раз это говорите.

— Потому что вы каждый раз половину назначений игнорируете.

София попыталась удержать недовольное лицо, но не смогла.

Елена перевела взгляд с одного на другого.

— Вы давно знакомы?

Никос продолжал писать.

— Ваша мама сложный пациент.

— Он драматизирует, — сказала София.

— И это тоже.

Медсестра, вошедшая с новой папкой, тихо рассмеялась.

У матери здесь уже существовала отдельная жизнь. Врачи, медсёстры, привычные споры, какие-то свои правила. Всё это появилось без Елены.

Никос повернулся к ней.

— Насколько вы приехали?

— Примерно на месяц.

Опять.

— Недолго.

— Столько дали на работе.

Елена сама услышала, как защищающе это прозвучало.

Никос только кивнул.

София поправила платок.

— Она слишком много работает.

— Ты три месяца не говорила мне, что заболела.

— Потому что знала: приедешь и начнёшь смотреть на меня, как на тонкое стекло.

— У тебя рак.

— И я всё ещё могу спорить. Видишь, сколько функций сохранилось.

Дальше разговор снова стал практическим. Анализы крови, лекарства, температура, вода, следующая процедура. Елена открыла заметки в телефоне.

Таблетки от тошноты после еды. Следить за температурой. Если...

— Не обязательно всё записывать, — сказал Никос.

— Я хочу записать.

— Вам распечатают назначения.

— Мне так удобнее.

Он больше не спорил.

Елена заметила, что слишком сильно сжимает телефон, и ослабила пальцы.

За окном солнечный свет бил по воде так ярко, что хотелось зажмуриться. Из порта донёлся гудок.

Никос поднялся.

— Сейчас медсестра проводит вас на процедуру.

София встала осторожно. Чуть медленнее, чем обычно.

Елена увидела.

Никос тоже.

София увидела, что увидели они оба.

— Я сама дойду.

Никто не возразил.

Через минуту она исчезла за дверью вместе с медсестрой, а Елена осталась собирать документы со стола. Несколько листов выскользнули из папки и разлетелись по полу.

— Отлично.

Она присела. Никос тоже наклонился и поймал страницу, которую тянуло под стол кондиционером.

— Вы сегодня ели? — спросил Никос, отдавая лист.

Елена выпрямилась.

— Что?

— Нормальный вопрос. У вас руки дрожат.

Она опустила глаза. И правда.

— Я не ваша пациентка.

— Именно. Поэтому никто не следит, когда вы ели последний раз.

Елена взяла страницу. Их пальцы на секунду соприкоснулись, и она сразу занялась папкой.

— Со мной всё нормально.

— Возможно.

Никос открыл дверь кабинета. В коридоре снова пахло антисептиком и плохим кофе.

— Съешьте что-нибудь до начала процедуры.

— Это назначение врача?

— Нет. Я просто не хочу добавлять себе ещё одного пациента.

Елена едва не улыбнулась и вышла в коридор.

До процедурного зала Елена дошла вместе с Софией, хотя медсестра дважды сказала, что дальше можно не идти.

— Я сама, — сказала София.

— Я знаю.

— Тогда зачем идёшь?

— Чтобы раздражать тебя в новой обстановке.

— Наконец-то честный ответ.

Зал оказался большим и неожиданно светлым. Ряд кресел стоял вдоль окон. За стеклом синело море, а внутри медсёстры проверяли системы, меняли пакеты с раствором и разговаривали вполголоса. В соседнем кресле пожилой мужчина решал кроссворд. Ещё дальше женщина листала фотографии в телефоне, пока рядом с ней дремал муж.

Никто не выглядел так, как Елена представляла себе химиотерапию.

Наверное, потому что она вообще никогда её не представляла.

София устроилась в кресле и сразу стала регулировать спинку.

— Это положение придумал человек без позвоночника.

Медсестра улыбнулась.

— Так лучше?

— Чуть меньше пытка.

— Мам.

— Она спросила.

Когда игла оказалась в вене, София отвела взгляд. Елена заметила и сделала вид, что нет.

Она села на пластиковый стул рядом, положила сумку под ноги и открыла телефон. Рабочих сообщений стало больше. Одно от клиента. Два от команды. Напоминание о встрече, которую она уже забыла перенести.

Она начала печатать ответ.

— Не работай, — сказала София.

— Почему?

— Потому что меня раздражает звук твоих ногтей по экрану.

— У меня нет звука.

— Я его чувствую.

Елена убрала телефон.

Пять минут они сидели молча.

— Можешь работать, — сказала София.

Елена посмотрела на неё.

— Ты невозможная.

— Я больная. Это другое.

Первые полчаса ничего не происходило. Именно это оказалось труднее всего. Елена ожидала события: боли, резкого ухудшения, врача, который войдёт и скажет что-нибудь важное. Вместо этого женщина у окна попросила ещё плед, мужчина с кроссвордом нашёл слово из семи букв, медсестра принесла кому-то чай.

В море прошёл паром.

София закрыла глаза.

— Спишь? — спросила Елена.

— Нет.

— Тошнит?

— Пока нет.

— Голова?

— Елена.

— Что?

— Если будешь спрашивать каждые две минуты, я солгу из принципа.

Елена откинулась на стуле.

— Хорошо.

Через некоторое время мимо прошёл Никос. Он остановился возле кресла, посмотрел на капельницу, спросил Софию о самочувствии и обменялся двумя короткими фразами с медсестрой.

Потом заметил Елену.

Его взгляд опустился на бумажный пакет из автомата, который она держала на коленях.

— Это еда?

— Крекеры.

— С большой натяжкой.

София не открывая глаз сказала:

— Не поощряйте её. Она и так думает, что кофе считается завтраком.

— Теперь понятно, откуда это.

— От Испании, — сказала София. — До Испании она ела нормально.

Елена посмотрела на мать.

— Ты переписываешь историю.

— У меня свободное время.

Никос коротко улыбнулся и ушёл дальше по залу.

Елена открыла пакет с крекерами.

— Довольна?

— Пока нет. Съешь два.

— Это заговор.

— Переживёшь.

Через два часа София уже почти не разговаривала. Не потому что ей стало резко хуже. Просто будто выключила лишние функции. Глаза закрыты, руки лежат на пледе, губы бледнее, чем утром.

Елена впервые увидела, как быстро мать умеет исчезать внутри собственного тела.

И сразу разозлилась на эту мысль.

Когда всё закончилось, София встала сама. Медленно, но без помощи. На выходе ещё успела пожаловаться, что парковочный талон закончился пятнадцать минут назад.

— Мы приехали на такси, — напомнила Елена.

София остановилась.

— Правда?

— Да.

— Хорошо. Значит, сегодня государство не заработало на мне лишних два евро.

На улице стояла ослепительная жара. От больничных дверей до такси было меньше ста метров, но София прошла их так, будто расстояние кто-то ночью увеличил.

В машине она села у окна и прислонилась виском к стеклу.

Елена уже собиралась спросить, всё ли нормально, но удержалась.

На половине дороги София сказала, не открывая глаз:

— Не смотри на меня.

— Я не смотрю.

— Смотришь отражением.

Елена отвернулась к своему окну.

Город был тот же. Люди шли к морю, покупали воду, ругались из-за парковки, тащили детей за руки.

До этого дня двадцать два дня казались Елене сроком.

Теперь она впервые подумала, что у болезни вообще другой календарь.

Глава 3

Временные жизни

На четвёртый день Елена поняла, что больницы умеют съедать время.

Утро могло исчезнуть между анализами, очередью в аптеке, парковкой и бумагами, которые никто толком не объяснял. За окнами порт к полудню заполнялся людьми в льняных рубашках, а Елена сидела в коридоре онкологии и впервые в жизни знала, почему врач спрашивает про лейкоциты.

После процедур София особенно ненавидела утро.

Тошнота начиналась ещё до завтрака. Сил после лечения хватало всё на меньшее. Иногда даже раздражаться ей было лень, и вот это Елене нравилось гораздо меньше обычных колкостей.

В тот день она стояла у кухонного стола и смешивала лекарство с йогуртом.

— Я не ребёнок, — сказала София.

— Ты со вчера ничего не ела.

— Я пила чай.

— Чай не еда.

— Он был горячий.

Елена поставила ложку на стол.

Окна были открыты настежь, но из квартиры никак не уходил запах лекарств и переспелых фруктов. Занавески двигались от ветра, снизу гудели скутеры.

София отодвинула йогурт.

— Не хочу.

— Нельзя жить на кофе и упрямстве.

— Твоего отца я пережила почти на одном упрямстве.

Елена отвернулась к раковине.

Семейная история до полудня. Прекрасно.

— Ты опять приехала уже злая, — сказала София.

— Я не злая.

— Конечно.

Елена сжала край столешницы.

Злость была удобнее. Страх звучал бы хуже. А если начать перечислять всё остальное, пришлось бы признать, что она спала по четыре часа, отвечала на письма между процедурами и каждую ночь прислушивалась, не встала ли мать в туалет и не упала ли по дороге.

Телефон завибрировал.

Потом ещё раз.

«Сможешь быстро подключиться? Срочные правки перед презентацией в Мадриде».

София кивнула на экран.

— Работай.

— Я работаю.

— Нет. Ты ходишь вокруг меня кругами.

Елена посмотрела на неё.

— Я вынесу ноутбук на балкон.

— Отлично.

Почему-то именно это «отлично» разозлило сильнее всего.

Балкон выходил на порт. Елена уже знала расписание паромов почти наизусть, хотя ни разу не пыталась его запомнить.

Она поставила ноутбук на маленький стол и вошла в видеозвонок за несколько секунд до начала.

— Наконец-то, — сказал начальник. — Ты вчера пропала.

Елена включила рабочую улыбку.

— Приём затянулся.

На экране появились кухни из Мадрида и Барселоны, дорогие наушники, аккуратные белые стены. Люди обсуждали позиционирование премиального бренда, пока рядом с ноутбуком Елены сохло полотенце, а за стеклянной дверью на кухне стояла коробка с таблетками от тошноты.

Совещание длилось сорок три минуты.

На семнадцатой Софию вырвало.

Елена услышала из квартиры.

Начальник продолжал говорить о целевой аудитории.

Она замерла.

— Елена? Что думаешь?

Она нажала выключение микрофона слишком поздно.

Из ванной снова донёсся звук.

Елена встала.

— Простите, одну минуту.

Ноутбук остался открытым на балконе.

София стояла на коленях перед унитазом и держалась одной рукой за край раковины.

Болезнь была страшнее всего не в кабинетах врачей. Там хотя бы всё выглядело ожидаемо. Белые стены, халаты, аппараты.

Здесь была просто мать на холодной плитке ванной, которой не хватало сил поднять голову.

Елена присела рядом и убрала волосы с её лица.

— Сейчас пройдёт.

София слабо усмехнулась.

— Не надо врать хотя бы ты.

Обе замолчали.

Через минуту София сказала:

— Иди обратно. У тебя работа.

— Я не буду обсуждать рекламу, пока тебя рвёт на полу.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

С балкона доносились голоса коллег. Кто-то всё ещё обсуждал презентацию.

Елена помогла матери лечь, принесла воду и вернулась к ноутбуку.

Звонок закончился.

В личных сообщениях её уже ждало:

«Надеюсь, всё в порядке. Финальную презентацию нужно сегодня».

Елена прочитала дважды и закрыла ноутбук.

Внизу порт блестел под жестким солнцем. Туристы шли к воде с пляжными сумками и стаканами со льдом.

Елена сидела неподвижно, пока не услышала снизу мужской голос.

— Вы опять забыли поесть.

Она перегнулась через перила.

Никос стоял у серебристой машины с аптечным пакетом в руке.

— Что вы здесь делаете?

— Ваша мама не забрала лекарства. И вы оставили у меня бумаги.

Конечно.

— Я спущусь.

— Не спешите.

Елена всё равно спустилась сразу.

На улице было ещё жарче. Цикады орали с деревьев, будто им тоже требовалось срочно высказаться.

Никос протянул пакет и папку.

— Сегодня вы выглядите хуже.

— Спасибо.

— Поспите.

— Вы, врачи, сильно переоцениваете сон.

— А вы сильно недооцениваете, что бывает без него.

Елена посмотрела на пакет в руках.

— Сегодня её вырвало во время рабочего совещания.

Никос кивнул.

— Завтра утром, скорее всего, будет легче. После следующей процедуры снова может стать хуже.

— Вы говорите об этом так спокойно.

Он посмотрел в сторону моря.

— Если я буду паниковать каждый раз, когда кому-то плохо, я долго здесь не проработаю.

Он сказал это без пафоса, как рабочий факт.

Никос открыл дверцу машины, потом задержался.

— Так обычно и начинается, — сказал Никос. — Сначала пропускаете обед. Потом вторую ночь не спите. А через неделю уже не помните, когда сами нормально ели.

Елена подняла глаза.

— Это профессиональное наблюдение?

— В основном.

— А остальное?

Он открыл дверцу машины.

— Поешьте сегодня. И поспите, если получится.

Никос сел в машину и уехал.

Елена осталась на тротуаре с лекарствами, папкой и ощущением, что за последние пять минут впервые не подумала о презентации.

Подниматься обратно в квартиру сразу не хотелось. София спала, когда Елена передавала ей лекарства, и проснулась только настолько, чтобы сказать, что суп есть не будет.

В холодильнике оставалось два йогурта, лимон и половина бутылки воды.

Елена взяла сумку и пошла в магазин.

Супермаркет был небольшим, с кондиционером, который работал слишком хорошо. Она замёрзла уже у овощей. Тележку брать не стала, потом пожалела: вода, хлеб, йогурт, яйца, бананы, помидоры, что-то для супа, ещё вода. Через пять минут корзина оттягивала руку.

Она стояла перед полкой с хлопьями и пыталась вспомнить, какие София ела раньше.

Телефон зазвонил.

Марта.

— Ты жива? — спросила она вместо приветствия.

— Пока да.

— Это звучит не очень обнадеживающе.

— Я в магазине.

— В Греции есть магазины. Отлично. Первый культурный отчёт получен.

Елена улыбнулась и положила в корзину первые попавшиеся хлопья.

— Как там?

Вопрос был простой. Ответа не было.

— Жарко.

— Елена.

— Маме плохо после процедур. Потом чуть лучше. Потом опять плохо.

Марта помолчала.

— А ты?

— Я покупаю йогурт.

— Понятно. Значит, совсем плохо.

Они знали друг друга достаточно давно, чтобы Марта не требовала нормальных ответов сразу.

— Я заходила к тебе, — сказала она. — Полила растение.

— Оно ещё живо?

— Удивительным образом. В отличие от тебя, оно умеет показывать, когда хочет пить.

Елена переложила корзину в другую руку.

— Почта?

— Забрала. Счёт за электричество, реклама спортзала и конверт на его имя.

Елена остановилась у холодильника с молочными продуктами.

Несколько секунд смотрела на одинаковые белые упаковки.

— Выбрось рекламу.

— Я не про рекламу.

— Конверт положи на стол.

— Хорошо.

Марта больше ничего не спросила.

Отношения Елены закончились почти год назад, но иногда продолжали приходить почтой. Счёт. Рекламный каталог. Письмо из банка. Пара его книг всё ещё стояла на верхней полке, потому что ни одному из них не хватило желания договориться, кому они нужны.

Даже расстались они без приличной сцены.

В какой-то вторник он спросил, есть ли смысл продолжать. Елена сказала, что не знает. Он сказал, что тоже.

Через два месяца у него уже была другая квартира.

Они ни разу не разбили чашку.

Иногда Елене казалось, что это и было самым обидным.

— Ты вернёшься двадцать восьмого? — спросила Марта.

— План такой.

— Это ответ работы или твой?

Елена взяла два йогурта и тут же поставила один обратно.

— Пока один и тот же.

— Ладно.

— Что значит «ладно»?

— Значит, я не буду сейчас лезть туда, куда ты сама не лезешь.

— Спасибо.

— Пожалуйста. И купи нормальную еду.

Елена посмотрела на корзину.

— У меня бананы.

— Бананы не отменяют ужин.

— Вы с моей матерью тайно созваниваетесь?

— Пока нет. Но идея хорошая.

После звонка Елена ещё несколько минут ходила между полками. Взяла персики. Потом вернулась и поменяла на другие, потому что вспомнила, что София всегда нюхает их перед покупкой и отказывается от слишком твёрдых.

У кассы перед ней женщина покупала пляжный мяч и три бутылки вина. За ней спорили два подростка. Кто-то у входа уронил пакет со льдом.

Обычная жизнь снова стояла слишком близко.

Дома София уже сидела на кухне.

— Где была?

— В магазине.

— Одна?

Елена поставила пакеты на стол.

— Мам, мне тридцать семь.

— Я уточняю.

София начала разбирать покупки.

— Эти йогурты ужасные.

— Ты их покупала всё моё детство.

— Люди развиваются.

— Персики?

София взяла один, понюхала и слегка нажала большим пальцем.

— Нормальные.

Елена неожиданно почувствовала удовлетворение, совершенно несоразмерное удачно выбранному персику.

— Суп будешь?

— Нет.

— Тост?

— Может быть.

— Йогурт?

— Только не тот ужасный.

— Ты сама его покупала.

— Я уже сказала: люди развиваются.

София забрала один из персиков и ушла в комнату.

Елена осталась раскладывать продукты.

На столе лежала её папка с рабочими бумагами. Рядом лекарства. В кармане телефон с письмами из Испании.

Она впервые не стала открывать ни то ни другое сразу.

Сначала поставила воду в холодильник.

Глава 4

Ночная аптека

В три часа ночи Елена стояла босиком на кухне и в пятый раз читала инструкцию к лекарствам.

Принимать после еды. Не допускать обезвоживания. Следить за температурой. Немедленно позвонить, если...

К этому часу любая строчка выглядела угрозой.

В квартире горела только лампа над плитой. София наконец уснула после половины тоста и таблетки от тошноты. На столе остывала чашка кофе, которую Елена налила себе часа два назад и так и не выпила.

За балконом порт почти затих. Из какого-то бара у воды доносилась музыка, временами смех. Где-то звякнули бокалы.

У кого-то продолжалась обычная ночь.

Елена провела ладонями по лицу и посмотрела на часы.

3:14.

Можно было ответить на рабочие письма. Вместо этого она открыла холодильник и несколько секунд смотрела на йогурт, лимоны, коробки с лекарствами и контейнер супа, от которого София отказалась вечером.

Дверь ванной резко хлопнула.

Елена обернулась.

София стояла в коридоре, держась за стену.

— Всё нормально, — сказала она сразу.

Елена теперь ненавидела эту фразу.

— Ты дрожишь.

— Я стою.

— Это не одно и то же.

Под кухонным светом лицо матери казалось почти серым. На лбу выступил пот.

Елена коснулась её руки.

Горячая.

Слишком.

— Температуру мерил?

— Нет.

— Когда тебя начало знобить?

— Не устраивай допрос.

Термометр уже был у Елены в руке.

38,9 °C.

В инструкции было совершенно ясно написано: при температуре после химиотерапии звонить немедленно.

София увидела её лицо.

— Только не начинай.

— Я ничего не начинаю.

— У тебя глаза начинают.

София медленно опустилась на стул.

Вот это напугало сильнее цифры на термометре.

Раньше мать садилась быстро, вставала быстро, ходила быстро, даже раздражалась энергично. Теперь на простой стул ей иногда приходилось договариваться с собственным телом.

Елена набрала экстренный номер отделения. Ответили не сразу. Она объясняла на смеси английского и греческого, которого осталось меньше, чем ей хотелось бы: после химиотерапии, высокая температура, дышит нормально, в сознании, ела мало, рвоты сейчас нет.

Медсестра перебила:

— Позвоните доктору Никосу.

— Сейчас?

— Сейчас.

Линия оборвалась.

София сидела за столом и наблюдала.

— Ты делаешь из этого событие.

— У тебя почти тридцать девять после химиотерапии.

— И всё ещё есть мнение по этому поводу.

Елена устало выдохнула и открыла контакт Никоса из больничной папки.

Палец задержался над кнопкой вызова.

Глупость. Это врач её матери. Для таких случаев номер и дали.

Гудок.

Второй.

— Никос.

Голос был хриплым со сна.

В эту секунду он впервые прозвучал не как человек из больницы.

— Простите.

Короткая пауза, и голос сразу изменился.

— Что случилось?

Елена начала ходить по кухне и объяснять. Никос задавал короткие вопросы: температура, дыхание, рвота, боль, головокружение, вода.

— Я приеду, — сказал он наконец.

Елена остановилась.

— Не нужно, я могу...

— Откройте дверь в подъезд.

Связь закончилась.

Елена посмотрела на телефон.

София тоже.

— Он тебе нравится.

— У тебя температура.

— Эти факты не противоречат друг другу.

— Потрясающе. Рак сделал тебя ещё наблюдательнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.